

Не, не, не (І. Шамякін. Сэрца на далоні) – СНВ сведчыць пра цвёрдасць, уважанасць. Колькасць часціц таксама ўплывае на сэнс выказвання, таму *Не! Не!*; *Не-не* і *Не, не* будуць адрознівацца значэннямі ад згаданых вышэй выказаў.

СНВ уяўляюць сабой устойлівыя адзінкі, але да іх могуць далучацца часціцы, якія мяняюць сэнс выказванняў. Часам такія часціцы аддзяляюцца коскай, а часам уяўляюць сабой адно цэлае з СНВ, і гэта таксама ўплывае на значэнне выказаў згоды і нязгоды. Напрыклад, *Ну добра* і *Ну, добра*; *Ну так* і *Ну, так* будуць трактавацца па-рознаму. Параўн.: *Грошай амаль не было, фраў заклала ў банк свае завушніцы, брошку. Тут, праўда, спадчыну атрымалі. – Ну добра, – сказаў я. – А мова? Дзе ты так навучылася нямецку? У школе?* (В. Быкаў. Пакахай мяне, салдацік) і *Проста няшчасны чалавек. – (Не адразу.) Ну, добра... Мы благія, амаральныя, цыннічныя... А ты сама?* (А. Дудараў. Парог). Часціца *ну*, што далучаецца ў пачатку СНВ і аддзяляецца коскай, звычайна сведчыць пра роздум, сумненне, якія папярэднічаюць фразе. Часціца *ну*, якая не аддзяляецца коскай, змяняе сэнс выказванняў па-рознаму. Так, згаданае вышэй *Ну добра* будзе мець адценне дапушчэння, а *Ну так* – упэўненасці, самазадаволенасці.

Пастаноўка знакаў прыпынку абавязваецца на правілы пунктуацыі, але заўсёды мае аўтарскі характар. Некаторыя пісьменнікі часцей ужываюць пэўныя знакі прыпынку. Напрыклад, аналізуючы СНВ нязгоды, мы заўважылі, што ў творы М. Матукоўскага «Амністыя» СНВ *Не* часцей аддзяляецца коскамі і ўключаецца ў межы складанага сказа, а пры паспешлівай нязгодзе запісваецца як *Не-не*. У «Сэрцы на далонях» І. Шамякіна *Не* часцей аддзяляецца кропкай і афармляецца ў асобны сказ, а паспешлівая нязгода перадаецца як *Не, не*.

Такім чынам, пастаноўка знакаў прыпынку як на канцы, так і ўнутры СНВ мае важнае значэнне для разумення сэнсу апошніх. Знакі прыпынку прыносяць дадатковыя эмоцыі і адценні значэнняў, якія могуць узмацняцца таксама іншымі графічнымі сродкамі. Некаторыя аўтары часцей аддаюць перавагу пэўным знакам прыпынку.

Р. В. Лебедевич (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ ХЕЗИТАТИВОВ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Результатом фиксации коммуникативного затруднения говорящего в речи становятся конструкции различной степени развернутости и эксплицитности: 1) краткие апокопированные конструкции типа *как это, как его, что там* и под. (в терминологии Н. В. Богдановой-Белгарян – *вербальные хезитативы*) [1, с. 346]; 2) развернутые метакоммуникативные рефлексивные конструкции типа *(не знаю) как это сказать; как подобрать слова; как выразиться* и под. Если первый тип конструкций просто фиксирует факт возникновения затруднения, то второй позволяет судить о характере возникшей коммуникативной проблемы, в связи с чем последний тип целесообразно назвать *специализированными вербальными хезитативами* (далее – СВХ).

При анализе конструкций, способных выступать в качестве СВХ необходимо учитывать их прагматическую вариативность, т. е. способность реализовать иные прагматические функции.

Так, индикаторы типа *нет слов, не могу подобрать слова, не хватает слов*, могут отражать не только и не столько реальные коммуникативные затруднения, сколько участвовать в выражении эмоционально-оценочной информации как негативного, так и позитивного характера, ср.:

(1) – *Когда я слушаю подобных дирижеров, то задумываюсь. тем ли я делом занимаюсь. У меня **не хватает слов**, чтобы подобрать какой-то эпитет к Евгению Федоровичу. У нас сейчас инфляция терминов, все понятия замусолены, все гениальные, все великие, все знаменитые. Для меня Светланов мессия в музыке;*

(2) – *У меня **нет слов** для возмущения!;*

(3) – *Я **не могу подобрать слова**, чтобы высказать всю мою благодарность Волкову.*

Если в контексте 1 наблюдается реальное затруднение при поиске необходимой номинации (о чем можно судить, в частности, по дальнейшим рассуждениям адресанта), то контексты 2 и 3 являются достаточно сложными для интерпретации, так как невозможно исключить вероятность того, что говорящий одновременно и подчеркивает интенсивность переживаемого состояния / выражаемой оценки (т. е. соответствующие конструкции выступают в роли интенсификаторов), и пытается донести до слушающего то обстоятельство, что эта интенсивность мешает ему выразить свои ощущения максимально точно и полно (т. е. одновременно данные конструкции реализуют функцию индикации коммуникативного затруднения). Кроме того, формула *слов нет* может употребляться и в роли вводной конструкции, синонимичной единицам *безусловно, бесспорно, конечно*:

(4) – *Утверждение это, **слов нет**, верное.*

Выражение *не знаю, как (это) объяснить* используется не только в качестве типичного показателя коммуникативного затруднения, но и в случаях, когда тяжело сформулировать высказывание из-за отсутствия у говорящего соответствующего опыта, знаний, информации:

(5) – *Торпеда классная. Знаешь, не такая как в жигулях, а полая такая, ну... даже **не знаю, как объяснить**. В общем, с правой стороны, когда сидишь, бардачок у тебя не перед носом, а как бы чуть-чуть внизу.*

(6) – *Для меня самого было загадкой, почему они так долго не принимали решение. Это очень странно, конечно, но я просто **не знаю, как объяснить**.*

Таким образом, конструкции, потенциально способные выполнять роль СВХ и сигнализировать о коммуникативном затруднении, обусловленном сложностью выбора выражения, словесного оформления, вербальной «упаковки» коммуникативного замысла, могут также участвовать в решении иных прагматических задач. Важно отметить, что интерпретация контекстов, включающих СВХ, осложняется и в силу того обстоятельства, что истинные мотивы употребления того или иного элемента не только могут оказаться недостаточно прозрачными для наблюдателя, но и зачастую не до конца осознаются самим говорящим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова-Бегларян, Н. В. Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» / Н. В. Богданова-Бегларян // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – 2015. – № 2. – С. 345–354.

А. Э. Левицкий (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ВЕРБАЛИЗОВАННЫЙ ВАРИАНТ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

При передаче информации мы используем, как правило, потенциал двух регистров: **делового**, научного, утилитарного, используемого человеком для ориентации в реальном мире, адекватного отражения реальности и эффективной деятельности; **игрового**, в котором человек, освободившись от детерминизма природы и себе подобных, наиболее полно реализует свое «Я». Таким образом, одна и та же информация может быть вербализована в двух вариантах: серьезном (деловом) и комическом (игровом). Именно второму из них присуще создание необычных способов построения высказывания. Игровая лингвистическая активность деформирует реальность и нормы самого языка, опровергая устоявшиеся стереотипы восприятия окружающей действительности и ее отражения в процессе коммуникации, делая его более адекватным и экспрессивным.

Поскольку язык вплетен в человеческую деятельность, он может быть рассмотрен как одно из средств деятельности. Игровой же элемент, сопоставляя язык с простыми инструментами человеческой деятельности, достаточно отчетливо проявляет его функциональную природу. Любое языковое выражение получает свое прагматическое значение в результате выполнения своей функции в языковой игре – в человеческой деятельности того или иного рода. Выбор средств для языковой игры диктуется их (т. е. номинативных единиц) значениями. Таким образом, игровой вариант подачи информации по сути не отличается от неигрового, а по форме между этими вариантами есть важные отличия.

При этом отметим, что форма единицы номинации является важным фактором в ходе реализации данного коммуникативного феномена. Для «игроков» целью семантической игры является получение планируемого эффекта в исходе «партии». Иными словами, в задачу коммуникантов входит не установление значения истинности рассматриваемого высказывания, а выяснение логических аспектов значения высказывания, зависящих от способа нахождения его истинного значения. Средством же игры выступает использование потенции семантических свойств определенных единиц номинации.

Человек способен для наиболее адекватной и экспрессивной передачи информации и реализации собственной интенции употреблять известные, или потенциально известные, языковые единицы в нетрадиционных функциях. Этот процесс вполне может быть приравнен к особому типу